

Последняя весна

Автор:

[Кейси Доуз](#)

Последняя весна

Кейси Эшли Доуз

Сложно найти людей более непохожих, чем Анжела Питерсон и Сантино Рамос. Анжела – вместе с матерью после развода родителей переезжает в новую страну, где мечтает о куче друзей, выпускном, престижном вузе. А главное – школьном капитане баскетбольной команды. Сантино – мексиканский мигрант, постоянно попадающий в переделки и различные неприятности, из-за чего сменяет по несколько школ за год. Учеба волнует его не больше, чем климат Австралии, зато он точно знает, как стянуть бумажник из кармана того парня. Их взгляды на жизнь и мир разнятся сильнее, чем полюса, но очень скоро они навсегда изменят жизни друг друга. История событий, рассказанная от лица Сантино Рамоса.

Кейси Доуз

Последняя весна

Рано или поздно – это случается с каждым. Ты вдруг понимаешь, что не хочешь быть таким же, как те, кто тебя окружают. Не хочешь быть как твой отец. Или как твой брат. Или как любой другой член твоей семьи. Или даже как ты сам.

(с) Хьюго Оливеро Кастро

Мне недостаточно. Этого.. моего мира.. даже если в нем есть ты. Поверь, Кларк, с твоим появлением вся моя жизнь изменилась к лучшему. Но этого для меня недостаточно. Не такой жизни я хочу. Да, я понимаю, это может быть хорошая жизнь. С тобой – очень даже хорошая. Но это не моя жизнь. Это не похоже на жизнь, которая мне нужна. Совсем не похоже.

(с) Уилл Трейнор «До встречи с тобой».

Пролог. 8 лет

Мексика.

Я сижу на стуле и скрупулёзно вывожу идиотские числа, знаки и решения. Естественно, вначале мама заставила меня все это решить на черновик, которым служил любой листок вне моей тетради, после чего проверяла на правильность. Исправляла ошибки, я переделывал –и только тогда все это переносилось в тетрадь.

Я учусь только год, но уже терпеть не могу школу.

По большей части из-за отца и его идиотских историй. А может, из-за того, как к этому относится мама. Думаю, из-за них обоих я ненавижу учебу, школу, все идиотские предметы и бессмысленное решение этих глупых примеров.

Мой отец – единственный, кто работает в семье. Собственно, выбор-то небольшой, когда нас всего трое. Мама занимается мной, как то принято у большинства наших знакомых с детьми, а отец работой. Как по выходу – ни у того, ни у другого особых успехов нет. Но только вот мамины «успехи» не так прямо влияют на комфортные условия проживания целой семьи.

Подумаешь, я бывает творю всякую ерунду. Отец на это отмахивается и говорит, что я мальчишка, и в моем возрасте он еще не то делал. Не знаю, значит ли это, что я и в следующий раз могу мячом выбить соседское окно безнаказанно, или все-таки, несмотря на его слова, получу нагоняя?

Зато вот «папины» успехи сильно на всех влияют. При этом, он постоянно любит кичиться тем, каким он был примерным учеником. Не в плане там, что рубашку на все пуговицы и от девчонок бегал, но он был круглым отличником и таким же закончил школу. Он жутко этим гордится.

Наверное, потому что это единственное, чем ему осталось гордиться.

Потому что после школы жизнь его сложилась самым рутинным образом и теперь он работал на низкооплачиваемой должности, и мы еле сводили концы с концами. Меня это не сильно парило, если мне доставалась из вкуснях хотя бы пачка чипсов в неделю. А вот мама постоянно скандалила с отцом на этот счет.

Естественно, происходило это, когда они были убеждены, что я уже сплю.

– Ты говорил, что все изменится! – шипела она, не имея представления, что я минимум еще два часа бодрствую после того, как наступает «отбой» – говорил, что это лишь временно, Матео!

– Это временно – устало цедил отец – но откуда я знаю, насколько? Думаешь, я могу найти вариант лучше?

– А ты думаешь, остались варианты хуже?

– Не нагнетай, я стараюсь.

– Стараешься? – хриплый смешок – по-моему ты завязал с этим еще в нашу первую брачную ночь!

Мама всегда была пылкая на нрав. Собственно, когда я подрос, то понял что это отличительная черта характера большинства мексиканок. В этом даже есть что-то неутомимое. Они могут легко загореться, начать скандалить и махать тряпкой перед твоим лицом, но так же быстро успокоится. Или наоборот, в этом

разгоряченном состоянии быстро перейти от гнева к страсти, если вы понимаете, о чем я.

В общем, характерные импульсивные женщины, и моя мать была, наверное, самым ярким их представителем. Она то махала тряпкой, то напевала различные мелодии себе под нос, моя посуда. Но в последнее время она все чаще махала тряпкой, потому что цены становились все больше, они все старше – а отцовская зарплата оставалась прежней.

Вот, наверное, почему я терпеть не мог школу.

Отец был отличником всю свою школьную жизнь – но в итоге ему катастрофично не хватало денег, он трудился на убогой работе и постоянно слушал возмущения матери. А мать постоянно говорила, что он никчемный, не может обеспечить свою семью и вообще только языком мелет.

Из этого, постоянно наблюдая их прения, я понял одно – хорошая учеба далеко не гарантирует хорошее будущее. Отличники получают гроши, а троечники зачастую вертят деньгами, как веером. А зачем тогда учиться?

Какой в этом смысл, если учеба в итоге не даст денег? Не даст хорошей жизни? Зачем 12 лет подряд выводить эти idiotские числа, запоминать таблицу умножения и считать, с какой скоростью доберется поезд от точки А до точки В, если за стенами школы тебе нигде это больше не потребуется?

Думаю, поэтому я бесился. И не старался разобраться в тех предметах, которые не понимал – а просто бросал их и совершенно не печалился отметках F в своем дневнике.

Но не сказать, что я совсем лодырь.

Я учусь, просто у других учителей. Я с детства подружился с соседским мальчишкой – Доминго. Он не ходит в школу, но зато у него постоянно есть деньги за сигареты, колу, чипсы – и далеко не единожды в неделю, как то у меня. Он не умеет складывать в столбик, зато может себе позволить различные ништяки.

Способов у него навалом. Можно стащить, а можно припугнуть, если это школьник младше тебя (Доминго на пару лет старше, так что для меня второй вариант пока не годился – в 8 лет сложно найти школьников младше тебя, у которых водились бы карманные деньги).

В общем, он никогда не делится со мной по-дружески деньгами, чтобы я мог купить чипсы, колу или скитлз, но помогает мне самому научиться их доставать. Пару раз меня ловили, когда я пытался спереть кошелек с заднего кармана прохожего, но у меня есть неоспоримый плюс – я чертовски хорошо бегаю. Доминго говорит, это просто жирнейший плюс моего резюме. Умение убежать – это пятьдесят процентов успеха.

А схватить и убежать – так и вообще все сто!

Кто поймает маленького мексиканского мальчишку, нырнувшего с твоим бумажником за угол, ведущий в недра трущоб? В своем уме никто не захочет туда соваться. А если и захочет – черта с два сориентируется там лучше меня и сможет догнать. Скорее напорется на наших подростков и уж тогда отхватит сам.

Естественно, я стараюсь все свои купленные припасы съесть до дома, или как следует прятать их в трусы. Несмотря на то, что мама считает отца никчемным, а отцу давно пора признать, что его образование ничего не дало ему в жизни – они оба зациклены на том, чтобы я хорошо учился и стал «приличным» человеком.

И если за плохие отметки мне просто влетает по выговору, то вот если отец застукает меня когда-нибудь с краденными деньгами... боюсь, я огребусь так, как не огребался еще никогда. Возможно, он даже начнет контролировать мое общение с Доминго и вообще все мои передвижения.

Это будет просто отстой. Я это понимаю даже в 8 лет. Признаться, позже, став подростком, я гораздо сильно удивился, когда узнал что многие другие дети в 8 лет даже в школу без сопровождения родителей сходить не могут. Типо, их отводят туда и обратно, встречают и звонят по ходу пребывания, а они еще и разрыдаться могут.

Не знаю, у нас такого на районе не было. Вообще, в Мексике дети выросли быстро. Как говорится, либо ты вырастешь – либо тебе помогает вырасти улица. И помощь эта далеко не сладкая, так что лучше справиться самому.

– Ну куда, Сантино? – мама недовольно вздыхает и показывает на кляксу, которую я сделал, выводя цифру 8.

Я хмурюсь.

Не хочу заново переписывать идиотский лист. Мама тоже молчит – у нее на кухне готовится буритто, и ей тоже не хочется еще дольше сидеть возле меня. А то и бегать туда-сюда.

Мы молчим порядком минуты, словно каждый решая для себя, после чего она, обмахнувшись полотенцем, отдает мне тетрадь:

– Ладно, дописывай. Но чтобы больше никаких клякс, ну что это такое?

Она еще раз недовольно цокает, глядя на восьмерку, которая теперь больше походит на закрашенный круг с хвостиком.

Я самодовольно скалюсь, радостный, что избежал участи, и принимаюсь дописывать.

–А когда будет еда готова? – между тем спрашиваю.

–Когда рак на горе свиснет и сообщит, что ты сделал все уроки – заявляет она.

– Ну мам.

– Не мамкай. Старайся, ну вот опять.. Ну Сантино! – она смотрит на очередную кляксу.

–Да ручка течет! – возмущаюсь я и демонстрирую ей кончик ручки – видишь?

Она берет ручку:

– А где я тебе возьму новую? – теперь ее недовольство вновь переключается на отца, который сейчас на работе – что я сделаю, если у нас даже ручки надо за месяц включать в план растрат! Санта Мария, когда мы уже заживем по-человечески!

Я молчу, ожидая вердикта.

Она отбрасывает ручку на стол и, поправив выбившиеся волосы, вновь махает полотенцем:

– Ладно, еда, наверное готова – она ерошит мои волосы и, наконец смеется – поди мамино буррито куда интереснее примеров?

–Еще бы! – соглашаюсь я возбужденно, вскакивая со стула.

– Тогда пошли. Но потом тут же вернешься к тетрадам, их!

Я киваю и довольный несусь на кухню поперед нее. Мама позади смеется, называя меня маленьким шайтаном. Когда она смеется – она очень красивая. На самом деле мама в принципе очень красивая, но рутина и постоянные недовольства углубили ее морщины раньше времени. Но во время смеха все на нее засматриваются – даже отец, бывает, оторвется от газеты да слегка улыбнется, будто впервые ее увидел.

Мама красотка, он это знает. Просто иногда они оба об этом забывают, когда лаются.

Помимо того, каким он был отличником, отец так же часто рассказывает лишь одну историю – как добивался мамино внимания среди множества парней, и как она выбрала лишь его. Мама в такие моменты выглядит чрезвычайно довольной, и говорит, что так оно и было, и какой-то бес заставил ее из множество солидных парней выбрать именно моего неудельного отца.

С каждый годом все сложнее понять, шутит она или говорит серьезно. Судя по реакции отца – даже ему это уже сложно различить. Может, потому что с каждый прошедшим годом, который успехом не отличается от предыдущего, она и правда так думает?

В любом случае, я никогда не сомневаюсь в ее отношении ко мне. Чтобы у них не происходило с отцом, и как бы они не ругались (а потом мирились так, что я через две стены слышу), она постоянно говорит о том, что я главный дар, ниспосланный ей богом.

Ерошит мои волосы, смеется, и говорит, что я самый славный мучачо, которого она когда-либо знала. Иногда мне кажется, что за кулисами остается неозвученное «не в пример твоему отцу».

Когда я забегаю на кухню, то хватаю горячие лепешки раньше, чем мама успевает их достать на тарелку. Обжигаясь, воплю, но не выпускаю их из рук.

– Сантино! – смеется она, пытаюсь добавить голосу надлежащей ворчливости – ну что же ты грязными руками да с посуды! Дай хоть выложу, как у людей!

Но я уже откусываю от горячей лепешки кусок, дохожу до начинки и хитро улыбаюсь.

– От-же шайтан! – повторяет мама и дурачливо хлещет меня кухонным полотенцем. Я смеюсь и уклоняюсь, возомнив себя ниндзя, между тем доедая горячий буррито.

14 лет

Глава 1

Чикаго, США.

Кто мог подумать тогда, что эта женщина, которая во мне «души не чаяла», и которой я был «послан богом» так легко откажется от своего главного подарка. Бросит, не моргнув.

Уж точно не я.

Даже когда все завертелось совсем дерьмовой круговертью, я был уверен, что меня при самых худших раскладах поставят перед выбором – с кем хочу остаться, с отцом или с матерью. А то и вообще мама добьется у отца полной опеки, да что-нибудь в этом роде. Ведь я ее «ихо», без которого она жизни не видит.

Да уж, в год ее ухода я разочаровался во многом.

Но началось все еще намного раньше.

Можно сказать, что началось для нашей семьи все с переезда в Америку, но думаю, это не так. Думаю, именно из-за того, что «все началось», мы и переехали в Америку. Возможно, отец пытался таким образом убежать от «этого», оставить его позади, как-то обогнать, но ни черта у него не получилось.

В общем, в 11 лет они с мамой приняли решение переехать в Штаты. То ли дело было в том, что мама постоянно пилила отца, то ли в том, что в Мексике отец не мог найти чего-то более лучшего, но все всегда знали, что «америка страна мечт», и там несомненно у всех все ладится.

Конечно, если ты коренной американец или хотя бы приличный член общества. У мексиканцев там мало что ладится, но отец игнорировал этот факт из-за своей старшей сестры, которая и помогла нам с «семейной» грин-картой, чтобы мигрировать легально. Из-за которой, по сути, наш переезд вообще и состоялся.

Урожденная Адонсия Рамос – теперь же Аделина Браун. Они с отцом из одной семьи, но у нее получилось выгодно переметнуться в Америку, и весьма успешно там закрепиться, потому что когда недовольства матери перешли всевозможные пределы, отец решил повторить успех сестры.

Он не учел одного – успех моей тетки основан на браке. Она просто удачно выскочила замуж за американца. Ну точнее, как. Тоже мигранта, но уже в третьем колене, потому что с американским гражданством. Он как раз приезжал с визитом к прабабушке Ямку Солери, когда и познакомился с моей теткой (как она говорит, я там свечку не держал – меня тогда еще и в планах-то не было). У

них все срослось довольно быстро, и обратно в Штаты они уже уехали вместе, где и поженились. Браку их без малого уже 15 лет, но детей нет.

Суть в чем – в Америку она почти сразу приехала «правовой», выскочили за чувака с гражданством, сама его получила, да и не на голую степь, а уже к нему в дом обособилась без каких-либо затрат. Поэтому отцу и показалось, что нет ничего сложного в том, чтобы стать задачливым в Штатах.

Конечно, у нас все пошло совсем не так.

Денег с нашего проданного дома, да плюс немного заначки не хватило даже на самую убогую лачугу в Америке, потому год нам пришлось жить в доме у тетки, пока отец пытался заработать недостающей суммы. Естественно, от этого в восторге не был ни теткин муж, ни сама тетка, ни тем более моя мама, которая ехала за лучшей жизнью, а единственное, что поменялось – это что теперь в доме было не трое людей, а пятеро.

Она ярилась, как никогда, и чужое кухонное полотенце еще никогда так часто не прогуливалось по отцовской спине. Мне тоже страна оказалась не особо рада – в школе меня травили «мексом» и вообще чморили за один факт моего переезда. Не знаю, делали ли они отличие от нелегалов и мексиканцев, которые на всех правах переезжали сюда, но терпеть я этого не стал.

Доминго предупреждал, что в Америке меня ждет от поганных гринго. Он помрачнел, когда узнал, что моя семья переезжает, но тут же быстро рассказал мне основы. Первое – не дать себя унижать. Второе – не дать унижать свою нацию. Третье – всегда бить первым, потому что драка все равно завяжется.

Я использовал все три правила одновременно. Вначале я, конечно же, проигрывал, потом наловчился и стал как следует мутузил своих обидчиков. Естественно, каждый такой раз мать вызывали в школу (отец работал) и после этого я получал взбучку.

– Хочешь закончить, как твой папаша? – злилась она, разгоряченно махая полотенцем – хочешь закончить так, Сантино?

– Отец как раз ничего такого и не делал! – уязвленно фыркаю я – а я просто стою за себя! Они говорят, что мексы говно, а я должен жрать это говно?!

– Следи за языком, Сантино Вальдо Рамос! – полотенце больно хлещет меня по руке – чтобы я больше такого не слышала!

– Не услышишь! – язвлю я – я больше не попадусь!

– Ах ты!

Она вновь хлещет меня тряпкой, а я злюсь все сильнее. Злюсь, что по их мнению, я должен сносить оскорбления этих идиотов, что должен подставлять левую щеку и бла-бла, знать, с какой скоростью поезд из точки А приедет в Б, чтобы стать «приличным человеком». А что сможет этот приличный человек?

Какие привилегии меня там ждут, чтобы я так изгалялся? Смотрю на отца и что-то не нахожу ни одной веской причины терпеть такое отношение к себе только ради статуса «приличного».

На очередном замахе я хватаю тряпку и вырываю ее из рук матери. Гневно бросаю на пол, дважды прыгаю на ней и с вызовом поднимаю взгляд на мать.

Она ошарашенно смотрит на меня пару секунд, после чего обессиленно опускает руки и садится на стул:

– Прости, Сантино.. – шепчет она – мне не стоило этого делать.. ты не настолько виноват, и вообще не виноват.. я не думала, что наш переезд для всех обернется вот так. Твой отец.. он, как и всегда, говорил совсем другое.

Мне становится жалко маму. Она и правда срывается чаще обычного, ей и правда трудно. Я подхожу и обнимаю ее:

– Все будет нормально, мам – даже вру ради того, чтобы утешить ее – я постараюсь больше не драться и понять местную школьную программу.

– Сантино-Сантино.. – она устало улыбается и обнимает меня в ответ – совсем не так я это себе представляла. Совсем не так..

А вечером, когда они опять думают, что я уже сплю – мать с отцом скандалят. Только в этот раз их разнимает тетка с мужем. Они тоже начинают скандалить. В итоге орут уже все четверо и я думаю, как всем было бы проще, если бы мы остались в Мексике.

Всем, кроме мамы. Ей нигде не было проще – и сейчас, наверное, приходилось сложнее всего. Она бежала из Мексики за лучшей жизнью, потому что ей надоело считать копейки и постоянно ужиматься, и что в итоге получила? Теперь у нас нет даже собственного угла, и мы живем в чужом доме впятером.

И все так же считаем копейки.

Теперь даже усерднее, потому что что-то надо откладывать на прибавку к дому. Ее можно понять. Должно было стать лучше, а стало еще хуже, и никуда от этого не деться.

Мама действительно заслуживает лучшего. Порой, когда готовит или занимается цветами, она становится совершенно другой. Она расцветает, порой даже распускает волосы, хохочет и пританцовывает. В такие моменты я вижу ее, скорее всего, такой, в какую влюбился отец. Такой, какой она до сих пор есть глубоко внутри. И такой, какой она была бы каждую минуту и каждый день, если бы обстоятельства вокруг были другими.

Сложно, должно быть, с такой личностью внутри в итоге мириться с тем, что ей по итогу дает судьба? Думаю, именно эта личность требует большего, не позволяя ей свыкнуться с тем, что она имеет. Возможно, это мне передалось именно от нее. Стремление к большему, не желание мириться с тем, какой сэндвич с дерьмом приготовил для нас мир.

И чем больше я наблюдал за страданиями мамы – тем больше ненавидел отца. Если он не может дать маме то, чего она заслуживает – почему просто не отпустить ее? Не открыть клетку и не позволить прекрасной птице вылететь? Позволить самой найти то, что ей надо? Зачем кормить обещаниями, ожидая, что однажды птица все же поумерит свой пыл и позабудет, что она в клетке?

Возможно, я был субъективен к нему – ведь отец старался. Ради нее он и переехал, ради нее вкалывал на двух работах, чтобы поскорее купить свой угол. Он старался, как мог, но выше головы не прыгнешь.

Через год, когда мне стукнуло 12, мы все-таки смогли позволить себе дом. Убогий домишко в самом злочном районе Чикаго – единственное, на что нам хватило. Когда мама прошлась по нему впервые, скептически поджав губы, она сказала, что ремонт здесь катастрофически необходим, но нам катастрофически не хватит на него денег еще ближайшие лет десять.

Отец разозлился и ответил, что чтобы ей не дай – она всегда останется недовольной. Что он впахивал как лошадь, дал ей то, что она хочет, и она все равно нос воротит.

– То, что я хочу? – как-то горько усмехается мама и обводит руками стены – ты думаешь, Матео, этого я хотела, когда говорила о переезде? Сменить один погреб на другой?

Она хмыкает, недовольно отмахивается, словно ей кто-то что начал говорить, и выходит в гостиную.

Отец гневно сжимает кулаки, глядя ей вслед, после чего обессиленно вздыхает и опускает голову. Смотрит на меня:

– А тебе нравится, сынок?

Не знаю, что ответить. Мне, как и маме, уже давно нигде не нравится. Но он слишком подавлен сейчас, а бить подавленного – это как-то низко. То же самое, что избивать инвалида.

– Да, пап – бурчу я – класс, мне вкатывает.

В итоге мама как-то пытается облагородить эту хибару, но ничего не выходит. Весь день она ходит мрачная. Тогда я думал, что это из-за дома. Теперь понимаю – дело было в другом.

Тогда она окончательно поняла, что это конечная точка. Когда мы жили в Мексике, да даже когда мы жили у тетки, были надежды, что настанет светлое «потом», когда отец накопит денег, мы купим жилье и заживем. А теперь «потом» настало. «Прекрасная» Америка.

Этот сарай должен был стать нам домом на ближайшие пару десятилетий, как и грошовая работа отца. Думаю, именно в тот день мама отчетливо поняла, что ничего не поменяется.

Ни в Мексике, ни в США.

Куда бы они не бежали, везде будут приходиться к тому, от чего уходили. Раз за разом, до конца жизни. Думаю, именно поэтому она тогда так разозлилась и расстроилась одновременно, а не потому, что на ремонт денег не хватало.

Моя же ситуация особо не изменилась. Разве что, теперь по ночам они вновь скандалили вдвоем, без вмешательства голосов тетки и ее мужа. Собственно, кажется, мы им сильно осточертели за этот год – потому что после съезда от них не шибко-то много с ними общались.

Думаю, они опасались, как бы при очередном крахе мы вновь не постучались к ним в дом с просьбой о приюте.

Спустя пару месяцев меня впервые исключили из школы. Я отжал карманные деньги у одного мальчишки, а он взял да настучал отцу, хотя я и обещал его отделать, если он кому что скажет. Раньше это помогало.

Теперь же меня выгнали с позором.

Мама кричала и говорила, что ниже воровства опуститься уже некуда, и как я вообще мог на это пойти! Отходяв меня полотенцем, она вновь сменила гнев на милость, обняла меня и разрыдалась. Она ничего не говорила, а лишь почему-то извинялась на протяжении минут десяти.

Зато много рассказал отец, когда вернулся с работы вечером и узнал о произошедшем. Он отбил мне руки так, что они покраснели и опухли, и заявил, что не потерпит, чтобы его сын был вором, и тем более обдирал слабых! Когда же он схватил ремень и уже замахнулся на мое лицо, я вцепился в эту хрень. Выдрать как у мамы, конечно, не смог – но мой порыв озадачил отца и он позабыл о своем желании хлестануть меня по физиономии.

Я ненавидел его.

В тот момент я окончательно понял, как сильно я его ненавижу. Неудачник, слабак, который ни черта не может, кроме как держать в клетке жену, и в узде сына. Он потерпел полный крах в жизни, но при этом хочет, чтобы я следовал его пути и его завету.

Сумасбродный жалкий придурок.

Я хотел ему это сказать в лицо, но потом сообразил, что из-за этого они с матерью вновь могут поскандалить, и просто убежал в комнату.

Со второй школой ждать пришлось тоже недолго. Рекордный срок за все время обучения – полтора месяца. Исключение за неоднократные драки, последняя из которых случилась прямо на уроке и послужила толчком к отчислению.

Однако, со временем я заметил, что мама перестала возмущаться.

Она перестала скандалить с отцом по ночам (как, собственно, и мириться), перестала постоянно поджимать губы, плакать или кричать. Напротив, в нашем доме постоянно вкусно пахло и всего, что мы могли себе позволить. Она заплетала волосы на разный манер, подпевала и подтанцовывала.

Но в жизни нашей ровным счетом ничего не улучшилось, потому я не мог понять, что именно сделало ее такой счастливой. Собственно, в итоге я решил, что отцу удалось добиться своего, и мама перестала видеть «клетку», но надо было знать мою мать, чтобы понять, что птица скорее откинется, чем перестанет возжелать свободы.

Она часто бродила по магазинам, приносила кучу дешевых, но продуктов, из которых готовила много вкусной еды. Дом словно приобрел краски, и только отец этому не радовался. Лишь смотрел на преобразования своей жизни со все большим подозрением и мрачнел. Словно наверняка уже знал то, о чем я очень нескоро только начал догадываться.

Истина открылась лишь через год.

Не знаю, почему мать ждала так долго. Возможно, хотела увериться, что действительно имеет основу под ногами, а не окажется у разбитого корыта.

Может, ждала, что отец еще вынырнет из ямы и ей не придется уходить из семьи. А может, просто наслаждалась жизнью «во вне» и потеряла счет времени.

Так или иначе, через полгода после того, как мне исполнилось 13, она сообщила отцу, что уходит от него. Нет, это было не ночью, когда они думали что я сплю, и даже не тогда, когда я был в школе. Она не пыталась скрыть этого от меня, потому я слышал совершенно все, что она ему говорила.

Она закрутила роман с каким-то местным американцем. Не знаю, что он уж там такое делал, но видимо, в основных критериях ее устраивал. Наверное, дом был покрасивее, да заработок побольше. Может, как и мама, он не хотел считать копейки и сделал так, чтобы этого не происходило.

Собственно, мама повторила удачную схему нашей тетки и я за это нисколько на нее не злился. Нет, она сделала может и неправильно, но по крайней мере понятно. Быть может, уважай я или люби отца чуть больше – сильно разозлился. Но так – нет.

Отчасти, я даже обрадовался, что мы сможем зажить на новом уровне.

Ровно до того момента, пока не понял, что я в мамину новую жизнь не вхожу. Нет, в лоб мне этого никто не сказал, и когда я спрашивал у мамы, когда мне собирать вещи для переезда – она лишь смущенно улыбалась и говорила, что пока все немного сложно. А в один день я просто вернулся со школы – а ее вещей нет. Никаких. А отец сидит на диване да разглядывает обручальное кольцо, которое она ему оставила.

И нет, она не вернулась за мной на следующий день, или на следующую неделю, или даже на следующий чертов месяц. Она даже толком со мной не попрощалась – думаю, ей просто было стремно. Стремно было взять и сказать, что сынок, моему новому ухажеру совсем не вкатил сын от моего прошлого брака, и между выбором «новой жизни» и «сыном» я не могу выбрать тебя, ты уж пойми. А может, она просто видела, что я, со своими исключениями из школ, вырастаю в такой же сгусток проблем, который совсем не нужен ей в новой жизни.

Думаю, она реально не могла всего этого так сказать мне в лицо, потому что просто молча исчезла из наших жизней.

Я не возненавидел ее за то, что она оставила отца. Но возненавидел за то, что вместе с ним она бросила и меня. Оставила меня там, откуда сама столько лет стремилась сбежать. Просто кинула, как ненужную игрушку.

Все это время я был уверен, что мы заодно, что мы понимаем друг друга, как никто другой. Мы всегда были с ней намного ближе, чем с отцом. И теперь она взяла и просто вышвырнула меня из своей жизни.

Ни звонков. Ни визитов.

Повторюсь – даже нормального прощания не было.

Нет, с отцом мы от этого ближе не стали. Напротив, я даже стал относиться к нему хуже. Еще хуже. Ведь, если бы он мог обеспечить нормальные условия, мама бы никогда не ушла от нас. А теперь остался только он, этот сарай да я.

И теперь я уже не боялся огорчить мать своими драками да исключениями, чтобы стараться держать себя в руках. Я не боялся огорчить ее своими оценками вдобавок к и без того ее печалям. Я больше не боялся огорчить никого, а на мнение отца, по большому счету, мне стало насрать еще раньше.

Первый год он постоянно меня лупил и наказывал – но постепенно я окреп и научился достаточно махать граблями, чтобы он понял, что меня не стоит колотить. Перед ним больше не мальчишка, который максимум может зажать ремень. Если перед ним и не парень, то точно тот, кто может дать сдачи.

Я никогда не кидался на отца просто так, но больше и не позволял ему бить себя. Сначала он злился, потом угрожал сдать меня к чертовой матери в детдом (да, и такое было), потому что я «недалеко упал от своей долбанной мамаше». А потом просто пришло принятие.

Видимо, он понял, что ничего путного из меня и так не выйдет. И просто забил. Игнорировал появление каких-либо карманных денег у меня, хотя он таковых не давал. Перестал обращать внимания на мои оценки. На каждое мое исключение

он просто мрачно надевал свою рубашку, кивал, забирал мои документы и подавал в новую школу, из которой меня еще не успели турнуть.

Таким образом к концу своего последнего класса средней школы и я учился в той шарашке, где впервые встретил Ее.

15 лет

Глава 2

-1-

Тогда мне дела не было до девчонок.

Единственное, что меня интересовало, как и всех сверстников – сексапильные красотки в плейбое, различные порносайты, да отличное орудование своей правой.

Причина проста – у большинства моих сверстниц тогда и груди еще не было, а у кого была – то вместе с кучей прыщей. Короче на них при желании не заглядишься, а старшим девчонкам я и сам не сдался, они тусили со своими сверстниками. Вот и оставалась довольствоваться всем тем, что я описал выше. Впрочем, меня это вполне устраивало – так как без понимания ощущений нормального секса, я и самоудовлетворение полагал вполне-таки неплохим вариантом.

Да, девчонки тогда не были моим увлечением – зато я как никогда обживался в школах. Вскоре, по принятиям-исключением, я смог понять, что группой действовать всегда проще. Никто не укажет именно на тебя, да и кидаться за пятью разными людьми всегда сложнее, чем за одним.

И стучать на пять человек всегда страшнее, чем на одного, ведь кто знает, всех ли исключат, или кто-то да останется, чтобы воздать тебе во заслугам.

Конечно, в тех школах, где оказывался, я был не единственным охотчиком до легких денег да защиты своего достоинства в варварской манере. Говоря простым языком – бесчинник. Надо было лишь сразу вычислить таких же пацанов, показать что я тоже парень не промах – и вуаля. Мне сразу заживалось в новой школе гораздо в большее удовольствие. Да и исключали реже – всегда есть, кому спину прикрыть, как я уже сказал.

Когда я перевелся в ту школу, куда потом попала и Она, я так же быстро сколотил вокруг себя кружок «друзей по интересам». Более того – они оказались недостаточно резкими и борзыми, чтобы осадить меня на место, как то бывало в некоторых других школах, когда я старался взять над ними «верх». Эти же решили, что я что-то вроде местного придурка, который кидается на всех с кулаками, и что лучше меня чувака им не найти.

На счет второго они может и погорячились, но в первом сложно было с ними не согласиться. Однажды дав себе свободу действий, я вскоре позабыл, что для них нужен смысл и цель. Бывало, махаться не было никакой причины – но мне было скучно, или мне не нравилось, как на меня посмотрел тот парень (хотя он мог вообще на меня не смотреть) и я ввязывался в драку.

Возможно, на подсознание я это и делал из-за отца. Старался ему насолить, или же наоборот, быть максимально на него, примерного отличника, непохожим, потому что до ужаса и дрожи в коленках боялся повторения его взрослой жизни. Но тогда, в свои 15, я вообще не понимал причин своего поведения.

И мне было насрать на них, если честно. Я просто хотел – и делал. Делал и хотел. А если не хотел – то не делал. Все очень просто.

Но в тот день – когда она появилась на пороге класса, когда я ее и не заметил – в драке действительно был смысл. Долбаный Тоби Джонсон всю перемену смерял меня взглядом, а после, тряхнув своей кучерявой овечьей шевелюрой, подошел ко мне и заявил, что из-за таких вот вонючих мексов, как я, и происходит спад экономики в его прекрасной стране.

Я вообще не понял, причем здесь спад и вся эта ерунда, которую он запаривал мне, но прекрасно осознал словосочетание «вонючий мекс».

На самом деле, в каждой школе происходило принятие. В начале меня чморили, едва я переводился – потом они получали свое и понимали, что меня лучше не трогать. В этой школе за эти два месяца с тех пор, как я перевелся – эта стадия уже была успешно пройдена.

Но, видимо, Тоби черт его подери Джонсон не выпил свои таблеточки с утра вот и возомнил себя кошкой, у которой по девять жизни в каждом из его карманов.

Я долго с ним не болтаю, да не пытаюсь вызнать, чем обусловлена его агрессия и «совершенно неблагоприятное поведение». Я просто бью его в челюсть, мои дружки позади начинают галдеть. И не дожидаясь, пока Джонсон отнимет руку от своей физиономии, я кидаюсь на него.

Мы начинаем мутузить друг друга в этом гомоне, как среди общих криков я вдруг слышу пронзительный голос нашей училки. Вот дерьмо. Ее не было, когда я кидался на него – решила же эта швабра вернуться раньше именно на этой перемене!

Собственно, мне-то было насрать на директора и прочую муть – но ее приход означал, что мне не дадут довести дело до конца и как следует отмудохать этого сукина сына, чтобы знал следующий раз, на кого свою варезку разевать.

– Разнимите их! – верещит она – немедленно!

Чувствую, как чьи-то руки пытаются оттащить меня от Тоби и с яростью вырываюсь. Одному из них бью локтем во что-то мягкое и вновь принимаюсь за этого придурка.

Видимо, попал в какое-то незначительное место, потому что руки вновь хватают меня. Я принимаюсь брыкаться, но они тянут меня в разные стороны, а значит это двое людей. Понимаю я это слишком поздно, когда они уже достаточно крепко меня схватили. Не остается ничего другого, как перестать сопротивляться и дать себе оттащить от Джонсона.

Когда это происходит, я вырываю руки из хватки этих идиотов, и вытираю кровь с губы. Я пока что даже не замечаю боли тех немногочисленных ударов, которые успел нанести мне Тоби. Я лишь гляжу на него и соображаю, успею ли вновь кинуться и вмазать ему напоследок по яйцам, или меня скрутят быстрее?

Не успеваю я принять решение, как училка встает между нами, лихорадочно поправляя свою блузку и сверкая на нас глазами. Тоби тоже поднимается.

Черт! Момент упущен.

Шмыгаю носом, втягивая кровь обратно. Вряд ли что-то серьезное – в отличии от меня, Тоби не намерено вдарил меня по носу, а случайно задел локтем, и то лишь по касательной. Скорее всего просто сосуды, не больше. А вот я ему, похоже, его идеальный клюв неплохо отредактировал.

– Рамос, Джонсон! – раздраженно визжит она – к директору немедленно! Оба!

Я фыркаю и гляжу в сторону своих друзей. Они одобрительно скалятся и показывают мне пальцы вверх. Идиоты.

Лучше бы отвлекли эту дуру до того, как она успела зайти в класс и начать верещать. Еще раз тыльной стороной ладони наскоро пройдясь по разбитой губе, молча выхожу из кабинета, старательно прикидывая шансы на то, что хотя бы один раз из десяти примут во внимание мои слова.

Ну так, вероятности ради.

-2-

Естественно, вероятность вновь не на моей стороне.

Несмотря на то, что вызовы к директору у меня происходят чаще, чем зазывают в гости родственников, я все еще должен обращаться к нему на «мистер Патерсли». Как по мне, мы уже настолько облюбовали этот кабинет, что его можно считать нашим общим, а я вполне логично могу обращаться к нему на

«Эй, говнюк».

Ну а что? Он же так ко мне обращается, пусть и взглядом. С самого первого раза, едва произошла первая драка в этой школе – он едва глянув на меня, заявил виноватым. Даже разбираться не стал. Потому ли это, что я мексиканец, или потому, что я меньше пострадал (так я мог и не начинать, но просто лучше уметь драться?). Короче, он конечно оказался прав и ту драку начал я, но неприятный осадок остался.

С тех пор мы друг друга терпеть не можем. Хотя, если быть честными, с кем из прошлых директоров и директрис у меня были хорошие отношения? Сложно заполучить расположение, когда я на них хрен класть хотел, как и на все их долбанные правила.

– Рамос.. – процедил он, «приветливо» встретив меня.

Дальше шла небольшая беседа, в ходе которой он выслушал Тоби, громогласно заявляющего, как я ужасный негодяй и преступник, который колотит все что движется, а он моя очередная бедная жертва. Я возмущаюсь и пытаюсь хоть что-то объяснить, как Патерсли поднимает руку:

– Мне все ясно. Очередной выговор с занесением в твое дело, Рамос.

– Он назвал меня мексом – цежу я.

– А ты не мексиканец? – вкрадчиво спрашивает директор, будто не понимает разницы между этими словами.

Вижу, как едва заметно хмыкает Тоби.

– Мексиканец – сквозь зубы говорю я – но он назвал меня «вонючим мексом». Этот хренов ушлепок нарочно..

– А ну замолчи! – хлопает он рукой по столу – не забывайся, с кем ты разговариваешь!

С еще одним хреновым ушлепком, как же забудешь.

Мне плевать, куда и что он занес, но факт несправедливости меня бесит. Я не претендую на публичную справедливость – черт с ней – после уроков я учиню свою собственную. И научу Тоби Джонсона не оговаривать других людей своим поганым языком.

Я нормально отношусь, если меня сдают, когда я правда первый начал. Ну бывает, что уж теперь. Но когда этот сраный трус (лишь наедине) скидывает все на меня, то выглядит уже не так храбро, как пытался перед всеми в классе. Раз уж храбрился перед классом – ту пусть и потрусит перед ними, справедливости ради.

Если уж подкидывать монету – то увидев обе стороны.

Видимо, Тоби чувствует мой настрой, потому что робко спрашивает у Патерсли:

– А если он вновь накинется на меня?

– Не накинется – отмахивается директор и теперь уже усмехаюсь я.

Патерсли совершенно насрать на Тоби. Он просто пытался отыгаться на мне, а тот послужил инструментом, не больше. Вот уж, Джонсон, хрен тебе, а не защита.

Он тут же боязливо глядит на меня и я с ухмылкой поигрываю скулами. Жди и бойся, ублюдок. Мое занесение в дело отобразится твоим занесением на тело.

Но после Патерсли заставляет нас обоих перед уроком пройти медпункт (чтобы не слиняли – лично провожает до него, будто телохранитель). Не столько для нас, сколько чтоб не пачкать все в классе. Тоби как послушная собачка, скуля, позволяет себе перебинтовать.

Я отказываюсь.

Вернее, грубо отмахиваются, когда ко мне пристают. Не нравится, когда пачкают твой класс? Хм-м, а мне не нравится, когда ты меня дронишь не за что. Что ж, давай ответочкой на ответочку. Конечно, медсестра злится, держит меня и заявляет, что без перевязки я никуда не выйду, старательно пытаюсь запихать

мне два тампона (или что-то очень похожее) в нос.

Но едва Тоби выскальзывает за дверь, я тут же махом ретируюсь следом. Хочу его нагнать, чтобы кое-что прояснить еще до уроков путем «проб и ошибок», но тот так мчит, что пятки сверкают. А с учетом, что он вышел раньше – настигаю я его только у кабинета, когда тот его судорожно открывает.

Ну и черт с тобой.

У нас еще много времени.

Я прохожу к своему месту и сажусь рядом с Шоном. По правую руку от себя замечаю движения, где их никогда не было. Хмурюсь и поворачиваю голову.

За партой через проход сидит какая-то девчонка. Раньше парта была всегда пустая – никто и не думал садиться здесь, рядом с нами. Я скептически оглядываю ее. Лицо огромное, волосы светлые, вся какая-то несуразная. А когда хмурится, вообще похожа на морскую свинку. Я невольно хмыкаю и спрашиваю у Шона:

– Это еще кто?

– А? – он глядит в ту же сторону – а, да новенькая.

– А какого хрена она сюда села?

– Не знаю – дергает плечами – все остальные заняты походу.

Обвожу класс небрежным взглядом. Нет, одно есть свободное место – рядом с Кэти. Но не удивительно, что она с ней не села. Кэти довольно.. придурочная. Даже за эти два месяца (в которые не общался напрямую с ней) я заметил за ней странную особенность – в попытке подружиться со всеми и каждым, она принимается льстить ему и обсирать всех остальных. Если лицемерие не удастся, переключается на следующего. В итоге уже весь класс в курсе, что Кэти настолько пресная, что единственная, чем может пытаться зацепить – это заискиванием.

Короче, поэтому Кэти сама. Иногда приторно-сладкий ликер бывает даже хуже горького. Это как раз случай этой девчонки. Еще и на фейс не вышла – короче, со всех сторон облом.

Хотя.. перевожу глаза уже на новенькую. Такая же нескладная. В общем-то, все девчонки в нашем классе какие-то угловатые и стремные. Новенькая не исключение. Но пока разглядываю ее, замечаю, как она нервно косится в мою сторону и кривится. Делает это резко и быстро – наверное думает, что так я не увижу.

Хмурюсь.

Но в итоге замечаю, что каждое ее кривление происходит после того, как я шмыгаю носом, пытаюсь втянуть кровь, которая никак не перестает идти. Господи, ну да, грохнись еще в обморок от вида крови, это будет то еще представление.

А ведь реально может получиться весело..

Я уже подумываю над тем, как бы мне беспалевно дать вытечь из носа большому количеству (а не тонкой струйке) крови, когда Шон меня толкает и я рефлекторно втягиваю.

– Твою мать – шиплю – какого хрена тебе надо?

-3-

В общем-то, я очень быстро забываю про ту девчонку и ее кривления, потому что уже на следующей перемене Кэти все-таки удастся пересадить ее к себе и та больше не мозолит мне глаза своими нервными поглядками. Первую минуту я удивляюсь, как она согласилась к ней пересесть?

Потом понимаю. Первое – она новенькая. Второе – скорее всего такая же долбанутая, как и Кэти, иначе других объективных причин повестись на ее лизоблюдство я не вижу. Ну или тупая. Да, вполне возможно, все гораздо проще.

Но очень скоро понимаю, что нет. Точно не тупая.

Даже самым недалеким из класса требуется не больше пары ее выходов к доске, чтобы заметить – она одна из задротов, что корпит над книжками, потому в состоянии подлизать учителям у доски. Кстати, это объясняет почему они сошлись с Кэти. Обе лизоблюды – только первая от нефига делать всем подряд, а та девчонка исключительно учителям. Другой причины выучить все не то, что на А, а на А+ я не вижу.

Она редко попадает в поле моего зрения, но если где и мелькает, то только рядом с рыжим пятном по имени Кэти. Интерес она ко мне пробуждает не больше, чем популяция морских котиков, и я теряю ее из виду.

До того дня.

Мы с парнями как обычно шарились по коридорам во время большой перемены, выискивая, у кого что можно отжать. Обычно именно на этой перемене всякие доходяги, крепко зажав в кулаке баксы, тащатся к буфету или к раздевалке за курткой, чтобы купить что за пределами школы. Если они оказываются недостаточно расторопными и не успевают сделать свои дела до того, как попадают на глаза нам – то их деньги становятся нашими деньгами.

После школы мы обычно покупаем сигареты и курим их компашкой все вместе, пока не кончатся. Конечно, мы с Джимом выкуриваем обычно больше всех. Остальные просто не могут так часто и так много курить.

А если что и остается – то я забираю себе. Папаша уже давно прошел стадию, когда шманал меня по карманам на наличие сигарет и лупил ремнем за плохие отметки. Да, эта стадия минула так же в бездну, как и моя мать. Но вот что удивительно – ненависть очень быстро переходит в безразличие. Может, это защитный механизм организма?

Ведь ненависть пограничное и практически такое же сильное чувство, как любовь, обозначающее категоричное равнодушие к человеку. Только в отличии от нее – ненависть не при каких раскладах не может породить положительных эмоций. Она лишь разрушает. И чтобы как-то защититься от этого разрушения – организм просто блокирует ненависть, перерождая ее в

полное безразличие к этому человеку. Как бы наспех зашивает глубокую рану, но после любой раны всегда остается шов.

Сейчас уже, мне порой кажется, что шов – это наши комплексы, подаренные такими случаями. Законы, и все такое дерьмо, которое мы даже не осознаем, но которое отображается швами на нашей личности и неусыпно преследует всю жизнь, пока мы их наконец не обнаружим, не распорем рану и не зашьем уже аккуратно, чтобы не оставлять шва.

Возможно, уход матери оставил не один грубый шов на моей личности, но зато вместе с ними полностью ушла ненависть. Как и любые чувства, которые у меня к ней были.

Мы проходим очередной поворот, обсуждая красотку из очередного сайта для взрослых, видос про которую вчера в общий чат кинул Шон, как я вижу спину старшека. Я не вижу, с кем он собачится, но зато отчетливо разглядываю в его поднятой над головой руке зеленые баксы.

О, отлично.

Обгоняю своих парней, которые все еще спорят на счет натуральности буферов порнозвезды, и приблизившись, выдирая банкноты из цепких пальцев. Верзила тут же оборачивается на меня и сжимает пальцы в кулаки:

– Слыш.

Я равнодушно поднимаю на него взгляд. Однако, он видимо тупой и не понимает, что спокойствие чувака гораздо более хлипкой комплекции обязательно должно быть чем-то обусловлено, кроме непомерной отчаянности. Вряд ли бы я стал выдергивать у него деньги, совершенно не задумываясь о том, что буду делать, когда это произойдет.

Но он делает шаг на меня и я небрежно киваю в сторону своих, которые задержались в паре шагов от нас и выжидающе поглядывают на него, игриво дергая бровями. Ему стоит лишь замахнуться на меня – и игра начнется. Я сам не против в ней поучаствовать, руки давно чешутся – но нет, что-то буркнув, он, залившись краской не то от бешенства, не то от стыда, уходит прочь.

Что ж, отлично. Я разжимаю добычу и начинаю пересчитывать, когда слышу:

– Спасибо.

Хмурюсь и поднимаю голову. Теперь вижу тех, с кем собачился старшак. Кэти и Зануда собственными персонами. Вторая как раз протягивает мне руку. Видимо, это ее деньги.

Я провожу языком по внутренней стороне щеки, задумчиво разглядывая ее. Какая мне от нее может быть польза? Она умная, да, но мне давно уже насрать на оценки, и к тому же использовать ее на длительную перспективу не по мне. Должники «на потом» это к кому-нибудь другому.

Нафига? Баксы у меня есть сейчас, а вот это вот «потом» может и не случится. Но тут меня, точно громом поражает – дальше урок у мистера Смита. Этот хрен терпеть меня не может, постоянно дронит и ставит одни F, которые необходимо пересдавать, чтобы не остаться в итоге на второй год. И пусть оценки меня не трогают – но вот учиться в два раза дольше я не хочу. Он быстро это просек и принялся меня колбасить почему зря. Обычно проходит пересдачи три каждого задания, прежде чем он угоманивается и ставит мне D.

А на прошлом уроке он как раз начал опрос на букву П... Значит, на этом уроке доберется до меня. Будет очень кстати хоть раз не таскаться к нему по три раза с пересдачами, видя эту самодовольную ухмыляющуюся рожу.

Тут-то новенькая мне и понадобится.

Черт, жалко конечно расставаться с баксом, но я стараюсь, чтобы было не так сложно, объяснить себе, что всего лишь оплачиваю товар. Я же отдаю баксы за сигареты, так? А здесь считай, отдаю бакс за то, чтобы не бегать на пересдачу к Смигу.

Мне кажется, хватило бы и 50-ти центов за это, но тут лишь долбанные 5 купюр по баксу. Вздыхнув, пихаю ей одну:

– Сочтемся.

И с парнями иду дальше.

- Что за фигня, Сантино? - хмурится Шон - ты нахрена отдал ей бакс?

- Не отдал бакс - поправляю я - а купил себе офигевшее лицо Смита.

- Че? - не понимает Джим.

- Эта девка сейчас подарит мне А у доски.

- Да ты гонишь - теперь уже Хесус оборачивается назад.

- Вот увидишь. В кой-то раз поднесу хрен к носу этого ублюдка.

Парни одобрительно гогочут, а я пихаю оставшиеся четыре бакса себе в карман.

-4-

Впервые я сижу за партой, не обсуждая с Шоном расстояние между бровей Смита (в последний раз мы пришли к заключению, что до монобровия ему осталось не больше трех волосков, а когда на следующей неделе он явился с гораздо более редкой надбровной шевелюрой, я всерьез задумался над тем, что он их выщипывает), а ожидая, пока назовут мою фамилию в списке.

Тут уже не столько дело оценки. Приятно конечно, что не придется бегать, как собачонке, да пересдавать это дерьмо. Но гораздо более приятнее будет - посмотреть на физиономию этого хрена. Уверен, сегодня уж его две брови точно сойдутся в одну. За это и всех пяти баксов не жалко.

Тут в доске выходит Зануда. Я удивленно вскидываю брови:

- Какую фамилию он назвал? - спрашиваю у Шона.

- Откуда я знаю - дергает он плечами.

Фыркаю и толкаю парня спереди, который постоянно сидит как на иголках, опасаясь нас. Это здорово забавляет и я играюсь с этим, как кошка с мышкой, когда уроки становятся совсем утомительными:

-Эй, Боров – тот опасно полуоборачивается – какую фамилию назвали?

- Питерсон.. – осторожно отвечает он и я киваю.

Питерсон. Вот, значит, как фамилия новенькой. Надо же, я и не ожидал увидеть ее перед собой. Что ж, смогу посмотреть на демо-версию программы, которую купил.

Естественно, Питерсон быстро решает свое задание без малейших ошибок. Смит тут же расходится в похвалах и ставит ей А+. Я самодовольно скажусь и пихаю локтем Шона:

- Видал? И у меня так будет.

- Я это засниму – гыкает Шон – его морду, когда ты все решишь.

- Точно – соглашаюсь я – скинь потом в беседу.

У меня денег на телефон не было и, конечно же, у моего папаши тоже. Но несмотря на это, мобильник у меня был. Покупался он, конечно, не мне, да и пришлось менять симку, и подчищать галерею, чтобы ничего в телефоне не напоминало о запинающемся очкарике.. но зато теперь у меня достойная трубка, у которой хорошая камера и выход в большинство игр.

Передо мной выходит какой-то придурок, который и двух слов связать не может. На D, по крайней мере, я везде (кроме уроков Смита) мог наболтать. Либо удавалось нацарапать на ладони шпоры, либо, если устный – лил воду, как в водопаде. Этот же придурок не смог сделать ничего, хотя Смит к нему не был предвзят и удача вполне была на его стороне.

Назвав его «бестолочью» и посетовав на то, какие идиоты все в нашем классе, Смит с ухмылкой называет мою фамилию:

– Рамос.

Голос его пропитывают каждую букву моей фамилии искренней подленькой радостью. Не знаю, когда именно наши отношения со Смитом накалились. Наверное, тогда, когда выяснилось, что он лучший друг Патерсли (директора), а я жизнь ему порчу, словно в лотерею играю. А потом еще эта неловкая ситуация, когда он нашел мое уязвимое место с F..

Но в этот раз я не бреду к доске, нарочно шкрябая подошвами по полу (он этого терпеть не может), перебирая на языке множество ругательств, как на английском, так и на испанском. Нет, в этот раз я распрямляю плечи и шествую к доске с всем самодовольством, на которое способен. На моих губах играет улыбка, а язык еле удерживается от свершения непристойного жеста, направленного Смиуту.

Нет, перебарщивать нельзя – если он впилит в меня свои глаза, Зануда мне не сможет помочь.

Он дает мне задание и, немного повыпучивая на меня глаза приличия ради, вновь утыкается в учебник. Я поворачиваюсь к новенькой, готовый распознать всевозможные знаки, которые она уже мне подает.

Но девчонка просто смотрит на меня. Господи, неужели можно быть настолько тупой и умной одновременно? Или у нее память, как у рыбки? Я изгибаю бровь, внушительно глядя на нее в ответ. Давай, вспоминай, мать твою. Это я дал тебе бакс, напрягай свою скудную память.

Но в следующий момент мне ясно дают понять, что дело совсем не в забывчивости.

Питерсон скрещивает руки на груди и хмыкает, стрельнув глазами в сторону Смита, и вновь вернувшись на меня.

Тут до меня доходит. Она, видимо, еще не до конца ознакомлена с условиями жизни в нашей школе, а главное с условиями взаимодействия со мной. Со мной лучше не ругаться – правило номер один. Мне лучше не вредить – правило номер два. За помощь лучше благодарить – правило номер три. Даже если это помощь тебе кажется сомнительной – правило номер четыре. Потому что мне насрать –

правило номер пять. Я сумею испоганить тебе жизнь, если ты не начнешь сейчас же шевелить задницей – правило номер шесть.

Время идет я начинаю сильно злиться, и очевидно, даже до такой принципиальной туповатой рыбки, как Питерсон, это вскоре доходит. Она недовольно фыркает, хмурится, но тут же собирается на стуле и глядит в свою тетрадь. Недолго думая, закатывает глаза и начинает помогать.

Так-то лучше.

Когда Смит оборачивается проверить задание – я уже с демонстративной небрежностью отряхиваю руки от мела, скучающе глядя на доску. Смит немного ошарашен – столько я еще никогда не умудрялся написать, но истинного удивления на лице пока нет.

Этот ублюдок уверен, что вся эта писанина – дерьмо собачье.

Как обычно, просит проверить класс. Все тупят глаза и бормочут, что все исключительно правильно и верно. Еще бы. Тогда Смит хмурится, поправляет очки на носу, и сам начинает пристально проверять решение. Я вижу, что его взгляд, точно цепкие щупальца, выискивают любую неровность или шероховатость, за которую можно уцепиться. Точно рипей – любую поверхность, чтобы присобачится.

Но ничего такого нет. Решение безукоризненно.

Я с наслаждением наблюдаю, как вытягивается его лицо – сейчас даже не скрываю самодовольной усмешки, глядя на него в упор. Надеюсь, Шон заснял этот момент. Я распечатаю этот снимок и повешаю в своей долбанной комнате. Черт, еще никогда во мне не бурлило столько удовлетворения от этой чертовой жизни.

– Все верно – бормочет Смит, вновь поправив очки – А+, садись.

Моя губы расходятся еще шире и думаю, все закончилось бы смехом, но когда я пошел к парте и выпустил лицо Смита из поля зрения, смеяться расхотелось. На смену злорадству вновь пришло приятное чувство самоутверждения.

Новым для меня способом.

Мне оно нравится, и я решаю, что теперь всегда буду покупать решения задач на уроки Смита у Питерсон, о чем и говорю Шону, ожидая увидеть восхищение на его туповатом лице.

- Нахрен надо? - хмурится он - это по баксу каждый.. каждую..каждое...

Очевидно, он пытается подсчитать, сколько, идя по кругу, раз в месяц либо неделю называют мое имя к доске.

- Раз в полторы недели - фыркаю я - это не много.

- По-моему эта фигня какая-та - бубнит он.

Конечно, ведь он уже понимал, что деньги я собираюсь тратить общие. Хотя.. думаю, я буду давать ей 50 центов, а не бакс, как и собирался. Для нее это слишком легко, чтобы оценивать решение задачи в бакс. Ну.. или бакс, но тогда она помогает на математике и еще на чем-нибудь, например.

- А она согласится? - с сомнением замечает Шон и скептически глядит на спину Зануды, что сидит в двух рядах и пяти партах спереди нас - по-моему она дохрена о себе мнит.

- А кто ее спрашивает - усмехаюсь я - откажется помогать за деньги, станет помогать просто так.

Хотя я был уверен, что Питерсон не дура и вовремя сообразит, что участи ей не избежать, и лучше брать деньги, пока дают.

Но на перемене она слизывается с кабинета слишком быстро, и я решаю не тратить время на ее поиски. Сейчас пятница, следующий урок у Смита только во вторник. Она и так готовится - достаточно будет перед уроком сообщить ей о новых правилах, и все будет чики-бамбони.

Но разговора так и не состоялось. В понедельник выдается на зависть клева погода, и мы с парнями выходим во двор школы. Забираем у младших мяч и

начинаем гонять его, пока Джиму не приходит в голову забросить мяч в окно кабинета директора. Однако, оно аж на четвертом этаже, а потолки высокие. К тому же, с той стороны бьет солнце и сложно нормально прицелиться.

Когда мяч не долетает уже в четвертый раз, а мы смеемся над ним, Джим хватается за камни, но и те благополучно летят мимо, чудом не угождая в соседние и нижние окна. Тогда он психует, говорит, что все мы такие же рукожопые мудаки, и докинуть до его окна в принципе нереально.

- Да ну? - усмехаюсь я - спорим на десятку, что я сделаю это с первого раза?

Джим, все еще горящий яростью за наши насмешки, с готовностью протягивает мне руку:

- А спорим.

Я долго выбираю камень и в итоге поднимаю не самый огромный, но самый тяжелый. Здесь важна тяжесть. Пару раз подбросив его в руке, встаю чуть левее, чтобы солнце не било прямо в глаза. Конечно, из-за этого и угол урезается, зато я могу смотреть более нормально.

Прицениваюсь, еще раз подкидываю камень и со всей силы, на какую способен, кидаю его.

Мгновение - и слышится грохот битого стекла.

Я усмехаюсь, попирая языком щеку и протягиваю к покрасневшему Джиму руку:

- Гони мою десятку.

Тот бубнит и вытаскивает из кармана пару бумажек как раз тогда, когда из битого окна высовывается голова директора Патерсли. Увидев меня, он нисколько не сомневается в виновнике. Лицо его (как и лысина) багровеет, губы начинают трястись, точно он вот-вот расплачется:

-Это была последняя капля, Рамос! Немедленно ко мне в кабинет!

Хотя, разве я не подозревал, что так будет, когда кидал камень? Фыркнув, я сую десятку в карман и усмехаюсь парням:

- Ладно, я погнался.

- Скажи, что случайно получилось – дает самый идиотский совет Джим.

- Скажу, что ты у своей мамки случайно получился – бросаю я и захожу обратно в школу.

18 лет

Глава 3

-1-

Теперь положение дел уже другое.

Касательно многого, но главным образом касательно безнаказанности. Если раньше мне удавалось обходиться исключениями из школы, выговорами, и занесением в личное дело, с суровыми предостережениями о том, что это отразится на моем будущем (ха-ха, было бы на чем отражаться) – то едва мне минуло 16 лет, в ход пошли исправительные работы.

Я так скажу: сумбурные обещания об испоганенном будущем и вполне реальное пахание прямо сейчас – это совершенно разные вещи. Причем, мне даже не дают выбора. У некоторых, кто оказывается периодически со мной на исправительных – есть выбор штрафа или работ, или типо того. Пусть за меня никто бы и не заплатил штраф, но мне такого выбора даже не давали.

За ту фигню, что делал я – самая мягкая мера была исправительные. И в принципе единственная.

Но едва попав туда впервые (через месяц после 16-летия) я понял, что работы ничем не отличаются от школы. Только тут не надо заморачиваться, и искать парней «по интересам». Потому что это уже «группа по интересам», в которую нас собрали. Каждый так или иначе дрался, воровал и сотворил какую-то другую дичь, за которую его здесь закрыли. Мы все из одного теста, потому оставалось лишь показать, что мое тесто самое взбитое и на пироги меня пускать следует в последнюю очередь.

Это оказалось нетрудно. Пара драк за «мекса», да к тому же через полгода я успешно нашел язык с куратором (это не сложно, когда куратор один и тот же, а я попадаю на работы с перерывом не больше недели) – и все в ажуре.

Честно признаться, со временем мне даже стало тут нравится. С парой парней я так сдружился, что после работ мы стали тусить вместе, и на работах тоже. В общем, выходило очень даже неплохо и наказание работами тоже очень скоро перестало быть для меня наказанием.

К тому же, порой я его воспринимал как школу. В школу я обязан был ходить – и сюда обязан. В школе я больше веселился, чем трудился – и здесь тоже самое. А учитывая, что в год, когда впервые встретил Питерсон, я школу и бросил – то исправительные работы вполне вписались в мой график. Только учитывая часы – скорее, как вторая смена.

А зачем мне нужна была старшая школа? Вузы, учеба и аттестаты неизменно вязались у меня с образом отца, который теперь вкалывает за копейки. Кроме отвращения, этот образ ничего не вызывал – соответственно, как и сама учеба. Я ушел по окончанию обязательной средней, и никуда после этого не подался, если «во все тяжкие» не считается.

Отцу в общем-то все так же наплевать. С недавних пор он даже перестал шибко-то париться о моем пропитании. Сам пожрет – а если ничего не осталось на вечер для меня, так его это и не трогает. Ну и ладно, даже своими карманными ухищрениями у меня порой денег водится больше, чем с его «честного» заработка и диплома отличника в рукаве.

Иногда (очень редко) я ловлю на себе его краткий взгляд. Испытующий – он будто пытается найти во мне что-то знакомое. Возможно, черты лица моей матери, которую он в глубине где-то все еще любит. Но кроме своих собственных ничего не находит. Подозреваю, он и сам-то к себе добрых чувств не вызывает, потому его отображение на мне тоже взор не радует. Будь я больше похож на мать, может пряников от него доставалось бы мне и больше.

Порой меня посещают мысли, как устроилась в это время жизнь матери и как она зажила – но имеют они исключительно любопытный характер. Во истину во мне нет живого интереса, участия или какого-то неравнодушия. С таким же любопытством я мог размышлять, какая кровать стоит у Анджелины Джоли в ее пентхаусе.

С девчонками тоже дела во многом изменились. Во-первых, по окончанию школы стерлась четкая граница моего возраста (в школе на нее указывал класс), а сам я где-то и выглядел чуть старше своих лет. У меня появились шансы кадрить старшеклассниц, и конечно же, я этим воспользовался. Вначале от любопытства – все-таки интересно испытать, что такое настоящий секс.

Первая моя девчонка – Джорджия – оказалась опытной. В свои 19 она перебрала чуть ли не пол округи, но мне почему-то все равно не понравилось. Она делала все либо слишком быстро, либо слишком медленно, а в конце еще так наскочила на меня, что у меня все тело болело на следующий день. Благо, она не докучала – у нее была очередь желающих, и на мне ее свет клином не сошелся.

Опыт с ней я расцениваю скорее, как опыт с ночной дамой. Неудачный, но на что еще можно рассчитывать в первый раз?

Со второй девчонкой я крутил. Мара. Я познакомился с ней уже на работах. Ее зацепило мое бунтарство, а меня – ее грудь. Около месяца мы даже слонялись вместе – она с радостью встревала во все потасовки с нами (потому что делала это и до нас, иначе как еще загремела бы на работы), но именно из-за этого в конечном счете я ее и кинул. Ее стало слишком много в моей жизни для парня 16-ти лет, который только познал прелести свободной юности. Она была со мной на работах, она была со мной вне работ, и она частенько зазывала меня к себе на ночь, потому что жила с мамашей, а та сама постоянно отиралась у любовников.

Концентрация ее участия в моей жизни стала выше максимума, и потому я вовсе от нее отделился. Хотя, надо признать, секс с ней был, что надо. Она, как и Джорджия, умела многое, но при этом тонко понимала, что и как надо делать конкретно со мной. Думаю, когда я ее бросал, самое большое о какой утрате я жалел при этом – именно о невероятном сексе с ней. Но даже он не мог покрыть ее навязчивости.

Не прошло и месяца, как я завязал уже с другой, третьей по счету (я беру в расчет лишь с тех, с кем трахался – зачем забивать голову девчонками, которые и дать-то мне не успели?). Пожалуй, она была самой запоминающейся из всех (естественно, до того, как в моей жизни окончательно закрепилась Она). И тоже познакомился с ней на исправительных.

Ее звали Андреа Муро, и она была чертовски сексуальная штучка. На голову ниже меня, узкая талия, но при этом большая задница. На лицо не удалась, зато не навязывалась. Она появлялась тогда, когда я хотел, и испарялась тогда, когда я в ней не нуждался. Именно поэтому меня к ней неизменно тянуло даже спустя три месяца наших отношений (на тот момент мой рекорд).

Она была неутомима в сексе, готова ко всему новому, но при этом умела говорить и нет, когда ее что-то не устраивало. И это, вопреки всякой логике, возбуждало еще сильнее, чем покорное повиновение во всем. Она могла сказать «нет» на участие в какой-то рискованной аванюре, она могла сказать «нет» на какую-то деталь в сексе. Порой она могла сказать даже «нет» на очередную встречу, занявшись какими-то своими делами.

И черт возьми, как же это манило! Эта чертовка знала, как постоянно подогревать во мне интерес, потому не повторила участь Мары. Она не успевала мне надоесть, ее было немного, а порой даже мало. Она не была в чем-то особенной, но при этом притягивала, будто холодильник магнит.

Нет, я ее не любил. Но я ее чертовски хотел, а как по мне, общая основа секса порой намного прочнее, чем основа любви. Чувства – вещь эфемерная, как я тогда думал (как думал и про секс, что он ничем не отличается от дочки, пока не попробовал). А вот секс – штука вполне понятная и вряд ли может когда-то надоесть.

Но к маю (на тот момент мы встречались уже полгода!) мы все-таки разбежались. Дело в том, что на тот момент ее работы окончились (а я был одним из очень немногих, кто торчал там постоянно – в большинстве своем туда так часто не возвращались, даже если занимались всякой шурумой постоянно). Мои же продолжались. Поначалу она заявлялась ко мне в те четыре часа, но я не особо горел желанием ее развлекать, потому вскоре она стала находить себе занятия сама.

В какой-то момент я сообразил, что наши встречи все реже, а секс все преснее. Не будучи идиотом, я сразу понял, в чем дело – и дабы не оказаться в положении брошенного или оленя с рогами, бросил ее раньше, чем она успела мне все рассказать. Или раньше, чем все само успело открыться. Она хлопала глазами и не понимала в чем дело, а я просто послал ее к черту.

Через месяц стало известно, что она крутит с каким-то хреном из своей шарашки (в отличии от меня, она хоть так же и ушла после средней школы, но училась в каком-то убогом колледже). Конечно, она не афишировала, сколько именно они крутят, но я подозревал, что это именно тот олень, который прикормился на моем пастбище.

Впрочем, сожаление у меня вновь тоже было лишь по сексу. Ну, и по тому, что в этот раз выбор сделали не в мою пользу, а значит, я в чем-то ему уступил.

Потом девчонки менялись, и в основном чаще трех раз мы не виделись. Пили группами мои друзья и их подружки, трахались, могли пара раз потом встретиться чисто поразвлечься и все. Но к сентябрю я вновь встретился с Андреа. Опять на работах – ее опять за что-то загребли. Вначале мы делали вид, что нам насрать друг на друга, но в один из дней она пришла в обтягивающей белой майке без лифчика и весь день только и делала, что косилась на меня, покусывая губу.

Намекать мне долго не пришлось. Пару недель мы просто занимались сексом, а потом решили вновь сойтись. Мои работы с перерывом неделя-две продолжались, ее же вскоре опять закончились, но в этот раз никаких рогатых не появилось. Продолжалась эта тягомотина до января (мне уже исполнилось 17), пока она не заявила, что хочет как все нормальные пары походить по ресторанам, кафе и прочей бурде.

Я мог ждать это от кого угодно, но не от моей «удобной» Андреа. Она была горячая штучка с характером, но никогда не требовала чего-то большего от наших отношений. Ей всегда хватало одного факта, что мы трахаемся только друг с другом и что она таскается с моими друзьями, и что они тоже в курсе, что она моя девчонка.

Теперь уже речь шла о каких-то идиотских стандартах отношений. Кафешки, кинотеатры, цветы.. может, сразу кольцо да в загс?

Мне это было не близко. Чего я и не стал скрывать. Еще месяц она со мной потусила, после чего заявила, цитирую «с тобой никакого развития, наши отношений стоят на месте, ты меня не любишь». Странно, ведь я никогда и не говорил, что люблю ее. Я шептал что хочу ее, что она офигенная, что она классная, что она Моя и так далее, но признаний в любви что-то не припомню, чтобы она теперь этим меня попрекала.

Короче, мы опять разошлись и я стал путаться вновь без запоминания имен. Не скажу, что это был лучший период в моей жизни (каждый раз даже с защитой опасаясь подцепить какую-нибудь фигню от подобных девчонок, через которых прошла вся округа), но и точно не худший. Постоянный секс, никаких заморочек.

К середине марта Андреа вновь появилась на нашем «старом месте». Только в этот раз я узнал ее с большим трудом и то, только по татуировке на икре. Не знаю уж, что за хрень случилась в ее жизни за эти неполные два месяца, но она состригла свои шикарные волосы, сделала ирокез и покрасила их в синий. Я уже говорил, что на лицо она и так была не красотка? Так вот, эта фигня сделала его просто квадратным и каким-то сплюснутым. К тому же и новый стиль одежды скорее уродовал ее фигуру, чем подчеркивал достоинства.

В какой-то момент я даже решил, что она вдруг решила заделаться в парня и тогда это многое объясняло, но все запуталось еще сильнее, когда она вновь стала намекать мне на то, чтобы развлечься. Я, конечно, помнил, какая горячая она в постели, но был не до конца уверен, что у меня на нее в принципе встанет, а ведь это необходимое начало для любого акта.

Прикола ради, конечно, один раз я все-таки с ней переспал в таком ее облике. С трудом у меня встал, но уже на середине процесса (когда она сменила позу и

повернулась ко мне лицом) тут же упал. Она разозлилась, а мне почему-то стало дико смешно.

После я закрутил с другой девчонкой (не боже упаси с Андреа). Ее звали Мика. Она была подружкой девчонки Дилана, и пересеклись мы с ней на одной из таких прогулок. Глупая, как пробка, но горячая, как раскаленные угли. Мы уже переспали пару раз, и я подумывал, достаточно ли она клевая, чтобы затусить с ней на постоянной основе – она явно была не против такого поворота событий, но не наседала.

Именно в тот момент, в последний числа марта, в рядах нашей веселой компании появилась Питерсон.

-2-

Не думаю, что я бы обратил на нее внимание, если бы она заявила все такой же – нескладной Занудой с сжатыми в районе груди руками. Ну, не более, чем на остальных – и может, даже не узнал бы. Потому что вначале я ее именно что увидел – и лишь потом понял, что узнал.

– Смотри – хмыкает Дилан и стреляет глазами в сторону. Лениво убираю метлу, которой больше пыли поднимал, чем подметал, и оборачиваюсь.

Возле куратора (я знаю, что его зовут Сэм, но он бесится, если я так зову его при других «подопечных») топчется девчонка. Достаточно фигуристая, чтобы на ней можно было зацепить взгляд. Нет, у нее нет огромной груди или талии с тростинку, но все что надо точно имеется. Светлые волосы собраны в хвост, а на ногах обтягивающие легинсы – словно она пришла на аэробику, а не метлой мести.

Чуть склоняю голову, поднявшись снизу вверх. Зеленые глаза, пухлые щеки.. ее лицо кажется мне смутно знакомым.

– Зачетная соска, да? – хмыкает Дилан, и ему повезло, что у его девчонки работы закончились на неделю раньше. За такие речи он бы уже давно отхватил метлой

по заливку.

– Ниче так – соглашаюсь я.

И тут, когда девица, взяв метлу, скептически с некоторым отвращением оглядывает нас всех, я вдруг вспоминаю, где уже видел этот взгляд. Стоя возле доски. Тогда тоже мелькали такие же огни – перед тем, как ей пришлось фыркнуть и начать мне подсказывать.

Питерсон.

Черт меня возьми!

Эта догадка удивляет сильнее появления подобной девчонки здесь, хотя одно другого стоит. Та Зануда, которую я помнил со средней школы, которая покорненько решала задачки и отлизывала учителям, теперь загремела аж на исправительные?

Это определенно интересно. Даже не столько, что именно она натворила – а один факт того, что она это натворила.

Держа метлу, будто какую-то грязную тряпку, она брезгливо выходит к нам. Так идет, словно заходит в клетку к диким бешеным зверям. Это даже забавно. Она украдкой стреляет глазами по сторонам – так же быстро как на том уроке, когда сидела через проход от меня. Ставлю сотку, она и сейчас думает, что никто этого не видит.

Смотрю на Андреа – вижу, как она насупилась. Ситуация накаляется – Андреа не терпит белоручек, и тем более белоручек, которые смотрят на нас свысока. Будто они птицы высокого полета, а мы черви под ногами. Сказать честно, я тоже таких терпеть не могу и зачастую именно они получают от меня тумаков, но, очевидно, у Питерсон это просто врожденное слабоумие. Как и в школе, она еще не усекла, как тут что устроено и как следует себя вести.

Но как и в школе, стоит ей понять – и вести они себя станут осмотрительнее. Так и быть, решаю по старой памяти вытащить ее из ситуации, которая становится все более обостренной. И когда Андреа уже отмахивается от своей метлы и

делает шаг к ней, я подаю голос:

- Ну надо же, какие лица. Теперь за А без + тоже гонят отрабатывать? Какой кошмар.

Увидев, что я обращаюсь к новенькой, Андреа отступает. Не то, чтобы она сильно меня уважала после того, как прямо во время секса у меня упал, но просто раз я уже начал, то нет смысла вмешиваться и быковать. Как минимум, теперь уже не на что - потому что теперь Питерсон с отвращением смотрит не на нас всех, включая Андреа - а только на меня.

Хотя, признаю - на мгновение за отвращением вижу искреннее удивление. Такое, будто она увидела меня не на исправительных, а на посту заместителя президента. Уж где, как не здесь мне быть? По-моему, нечему удивляться.

Она будто даже как делает шаг вперед, но заметив остальных парней вокруг меня, которые без всякого стеснения пожирают ее глазами, остается на месте со своей метлой:

- О, Сантино..

- Ага - усмехаюсь я - так и за что теперь сюда садят пай-девочек? Нам еще ждать новеньких?

На ее лицо вновь возвращается маска отвращения. Она закатывает глаза и показывает средний палец. Надо же! Какие некультурные знаки! Меня разбирает хохот, и я решаю объяснить приятелям, откуда знаю это недоразумение. Ловко переворачиваю метлу вверх тормашками, и говорю в нее, подобно микрофону:

- Спешу представить вам человека, благодаря которому я получил первую и единственную в своей жизни А+! Кстати как тебя зовут, помощница?

Переворачиваю метлу к ней, но она раздраженно отпихивает ее и сверкает глазами. Воу, а у этой кошечки есть когти. Я слегка ухмыляюсь, не спуская с нее глаз. Любопытство начинает все возрастать с каждой ее проявленной реакцией.

Что еще она может?

Мне хочется испытать ее сейчас на все и сразу, будто тест-драйв у тачки. Увидеть, до какой точки кипения можно довести, и что она при этом сделает? Подобный контраст внешности и поведения даже заставляет меня чуть напрячься ниже бедер, но я вовремя беру себя в руки и вновь поворачиваюсь к парням:

- Дадим ей время, господа, девочка-с-дневником еще не сжилась с мыслью о своей участи.

- Зато ты, я смотрю, уже здесь обжился.

Когда я оборачиваюсь, она так яростно метет дорогу, что вся пыль поднимается и тут же оседает уже на нее. От этого представления становится еще смешнее.

- Ага - подначиваю я ее - провожу здесь времени больше, чем в школе.

- О, это несомненно повод для гордости!

Бинго! Кусается!

Друзья позади замолкают, зная, как я отношусь к подобным высокомерным заявлениям, но я скорее забавляюсь, чем злюсь. Укусила!

Она определенно интереснее, чем была два года назад. Хотя... если она уже скатилась на D и ширяется по углам, то ничего удивительного. Это интересно, только если она до сих пор примерная пай-девочка, а если отбитая наркоманка или шлюха - то ничего удивительного в ее манере общения.

Надо узнать, за что она сюда загремела:

- Лучше расскажи о своей гордости. За что тебя сюда направили? - вальяжно облакачиваюсь о метлу, словно о дорогую золотую трость - давай же, поведай дядюшке Сантино о единственном достойном поступке в своей жизни.

Она раздражённо фыркает и отходит со своей метлой прочь. Ей повезло, что она подходит не к группке с Андреа, иначе бы вся моя помощь пошла псу под хвост.

Хм. Ну если не ответила – значит, что-то интереснее.

– Клевая цыпочка – теперь говорит уже и Рипер – я бы ее..

– Держи карман шире – фыркает Дилан – только после меня.

Я смеюсь.

– Хрен ли ты ржешь, Сантино?

– Если она та, за кого я ее принимаю – усмехаюсь я – то вам всем ни хрена не обломится.

– Да пошел ты.

Еще минут пять друзья обсуждают, кто бы ее и как и в каких позах. Не могу не согласиться, что разговоры эти в определенной степени приятны. Украдкой поглядывая на нее, у меня тоже возникает желание вообразить, каким бы именно образом. Но тут вижу, что к ней подходит Андреа.

Ну мать твою, никак не угомонится.

Не спеша вмешиваться, лениво дергаю метлой, украдкой поглядывая в их сторону. В отличии от Питерсон, моей «украдки» реально никто не замечает, а не палит вся группа.

Андреа что-то начинает с давлением втирать ей. Та сутулит плечи и что-то бормочет в ответ. Эх, а зубы-то молочные. Хотя, для нее это и хорошо – Андреа она бы все равно не переболтала, только отхватила бы. Наконец, та фыркает, и отстает от нее.

Но едва Андреа отворачивается – на лицо Питерсон возвращается прежнее презрение и я едва улавливаю, как она что-то бормочет вслед одними губами.

Представляю, как этими бы губами она делала кое-что другое. Да, уломать такую на секс будет сложновато, учитывая наше раннее знакомство, но попытаться можно будет. Только вот будет обидно, если игра не окажется стоящей свеч. Такая же она непокорная и непредсказуемая в постели, как здесь, или на деле все окажется куда как преснее?

Решаю, что подумать об этом времени будет еще много – работы начинается минимум от 40-часов, а там все зависит от проступка. Так что торопиться некуда.

Через пару часов на арену заявляется еще одна красотка. Теперь уже я толкаю Дилана в бок, изогнув бровь:

– Мы либо стали работать на трассе, либо они сами сюда тащатся и тащатся.

Дилан стреляет глазами по рыжей бестии с майке с ярко-накрашенными губищами. Он приближается к нам от бедра, и даже «дядюшка» Сэм отвлекается от телефона.

Я совсем не удивляюсь, как эта фурия подходит к Питерсон. Они обжимаются, и садятся на бордюры есть пончики. Seriously? Она притащила сюда пончики? А че сразу не макарены с молочным коктейлем? У нас же тут чертов пляж.

Они выглядят до идиотского глупо, сидя здесь с этими пончиками. И ладно парни – им плевать, они только и пялятся на них, но я вижу как бесятся девчонки. Да уж, если она так продолжит – то не сегодня-завтра ей подробно объяснят, как стоит себя вести. Так сказать, распишут на пальцах.

И лишь когда они начинают трепаться слишком громко, я слышу как она говорит рыжей «Кэти». Щурюсь и вглядываюсь в лицо этой подружки.

– Охренеть – шиплю я Дилану.

– Только не говори, что и эту цыпу ты знаешь.

– Видел бы ты, как она выглядела года два назад – усмехаюсь я – скорей дитя курицы, которую трахнул мопс.

- Да не гони.

- Seriously тебе говорю.

Хотя, вглядываясь в нее теперь попристальнее - вижу, что черты лица почти не изменились. Просто теперь Кэти научилась виртуозно пользоваться штукатуркой. Но и еще многое конечно же дает подача. Если бы она опять бегала, согнув спину, цепляясь к каждому столбу - думаю, узнал бы ее сразу.

Уже перед самым расходом, к нашей площадке подходит какой-то парень. Об этом говорит Рипер, недовольно протянув:

- Сегодня, че, на хрен, день встреч? Третья баба за сутки.

Но по тону понимаю, что она страшная. Поднимаю глаза и вижу этого. Я бы не сказал, что он похож на даму - совсем нет. Скорее эдакий парень с обложки журнальчика. Про отличных учеников, богодельцев, президентов школы или чем там еще занимаются детишки из благополучных обеспеченных семей, которые на досуге играют в гольф.

Вот именно так он и выглядит. Точь в точь, какими они представляются в моей голове.

Волосы уложены набок, на самом шмотки с логотипом школы (чтобы понимать - я вообще за все это время не попал ни в одну школу, где были бы шмотки с их логотипом; да что там - где просто бы был свой логотип). Он останавливается рядом с дядюшкой Сэмом и свысока оглядывает нас.

Чертов пижон. Он уже меня бесит. Друзья тоже начинают злиться и перебрасываться раздраженными пикировками, типо какого хрена он здесь забыл, когда вдруг к нему подбегает Питерсон.

Ну надо же! Прямо Роза и Джек из Титаника.

Она виснет у него на шее, он притягивает ее к себе за талию.

- Блеватная сцена - сообщает Дилан.

- Соглашусь – киваю я – у тебя есть пакет?

- Меня уже вывернуло на дорожку.

- Отлично, я блевану туда же.

Честно говоря, меня несколько удивляет, что это парень Питерсон. Собственно, стоило полагать, что у такой девчонки будет парень (такие формы без присмотра не бегают, особенно если учатся в школе) – но чтобы он?

Да мне кажется он шага в сторону без спроса мамы не сделает, а темперамент Питерсон не совсем вяжется с такой моделью поведения. Тут либо я ее переоценил, либо его недооцениваю.

Словно услышав мои мысли (или наши слова – что более вероятно), она оборачивается, смеряет всех нас надменным взглядом и целует своего ненаглядного. Это выглядит так постановочно, что я с трудом сдерживаю смехок.

Обычно так целуют мальчиков в садике, чтобы показать, что «он мой муж».

Когда большинство уже расходится с окончанием работ, я подхожу к Сэму и чуть склоняюсь с доверительной улыбкой.

- Даже не жмись, Рамос – предупреждает он ворчливо – какого хрена тебе опять надо?

- Да ладно, мы же как друзья.

- Какие мы с тобой друзья? – вскидывается он и наставляет на меня палец – ты мелкая ворюга, которая очень скоро превратится в большую проблему.

- Но я тебе все равно нравлюсь – скажешь я – да брось, просто скажи, за что новенькую к нам шурнули?

- Не твоего ума дело.

- Да ладно тебе. Я ж твой постоянный подопечный.

- Ты мой постоянный геморрой, Рамос - он демонстративно трогает дубинку, словно собирается отходить меня прямо сейчас. Еще пара человек уходит, а мои друзья ждут меня в сторонке, чтобы не мозолить Сэму глаза и не злить его.

- Сэм..

- Иди отсюда, сказал - шикает он, словно на дворового кота - давай.

- Скажи, и я пойду.

Он раздражено вздыхает и я добавляю, невинно пожав плечами:

- Ты же знаешь, что я не отвяжусь. Пристану завтра, может быть даже в самый неловкий момент замечу Кэти, что твои глаза упали в ее декольте..

-Кэти? - хмурится он.

- Ну да - со скучающим видом сообщаю я - та рыжая нимфа. Я ее знаю, учились как-то вместе.

- И что, она подружка этой новенькой?

- Услуга за услугу, Сэм - усмехаюсь я.

- Черт с тобой - фыркает он - она морду одной девчонке расцарапала на игре между школами. Обычная драка баскетбольных болельщиков, только и всего.

- Почему тогда исправительные?

- За нее штраф не заплатили.

Ухмыляюсь.

- Так что с той рыжей?

- А, да, они вроде подружки - смыкаю два указательных пальца и потерев их друг о друга, заговорщицки ему подмигиваю - так что она тут будет частым гостем.

- Шуруй давай, оболтус - прикрикивает на меня Сэм, но теперь уже более довольный, чем прежде. Хорошая пара сисек каждый день способна купить расположение Сэма. Пусть я и не имею к их появлению в его жизни никакого отношения.

-3-

То, что я узнаю про Питерсон - определенно занятно. Я был уверен, что ее шурнули за что-то типа мелкой кражи косметики или прочей бурды из мелкого бутика, или что там обычно крадут своими кучками приличные девчонки, которым не хватило карманных денег, выданных предками на неделю?

Но что бы драка? Да еще и на баскетбольном поле? Я почему-то сразу думаю о том, что как бы не ее парень баскетболист, но почему-то с большим трудом представляю себе Питерсон, царапающей морду девчонке, которая болеет за другую команду. Может, личный мотив?

В любом случае, сам факт, что пай-Питерсон с отметками не ниже А+ вцепилась в морду какой-то девчонке на баскетбольном матче - это нечто очень и очень любопытное. Это раззадоривает.

Нахожу в себе, что мне чертовски интересно теперь узнать, зачем она это сделала. Интересно узнать, что «правильных» девчонок заставляет царапать морды другим «правильным» девчонкам.

После работ с парнями отправляемся шататься по городу, выкуривая сигареты, которые остались. После чего покупаем новую пачку и тогда уже Дилану звонит

его девушка. Спрашивает, где он и почему не звонит ей, хотя работы кончились. Переглянувшись с нами, он предлагает ей взять ее подружку Мику и присоединиться. Конечно, та соглашается.

- Ниче, чувак? - спрашивает тот, когда отключается.

- Норм - киваю я. Неплохо, если Мика сейчас придет. Мне хочется разрядиться, к тому же Мика, как в свое время и Андреа, совсем не назойливая. Остается надеяться лишь, что в отличии от Андреа, она не изменит своей позиции спустя время.

При своей девчонке Дилан естественно опускает подробности форм Питерсон и Кэти, которыми обильно делился со мной. Они встречаются уже больше года, и за это время их общения я успел понять, что подобными рассуждениями Дилан старается не делиться в ее присутствии. Его девчонка милашка, но стоит ему показать, что он западает на чью-то другую задницу - как она превращается в бешеную сирену и начинает кричать ничуть не тише моей мамы в детстве. Темперамент мексиканки, свобода американки, страсть испанки. Жгучая смесь.

Думаю, это объясняет, почему они с Диланом вместе.

После мы заходим в магазин и, как всегда, начинаем отдельно шататься по стеллажам. Суть проста - один из нас берет что-то самое дешманское для отвода глаз и встает в кассу, мы за это время набиваем карманы всякой бурдой (обходя камеры или наблюдая за тем, чтобы охранника не было на посту) и встаем рядом с ним. Он расплачивается за ту же жвачку или банку пепси, потому на нас никто не глядит, и мы все вместе спокойно уносим ноги.

Если ничего не покупать - наша компашка начинает привлекать больше всего внимания, и при отсутствии покупок, на выходе нас обязательно начинает шманать охранник. Проверялось не раз.

Выходим на улицу и Рипер довольно вытаскивает из-под старой толстовки пачку чипсов и банку пива. Правда, кроме него его никто пить не будет, потому что этот придурок засунул его горлышком в штаны, чтобы держалось.

-А че сразу не в жопу себе? - фыркает Давид.

– Слыш, это всего лишь штаны. Я же не в трусы запихал – ворчит Рипер, но мы все знаем, что этот говнюк делает так каждый раз специально. Один раз случайно утворил, понял, что после этого мы не просим его пива, и теперь постоянно делает.

Ну зато мы тоже перестали ему что-то давать. Кажется, всех вполне все устраивает, и пикировка ради того, чтобы очередной раз указать Риперу на то, какой он засранец – завершена.

– Смотрите, что я стащила – хихикает подружка Дилана, вытаскивая из лифчика пачку презервативов и друг возбужденно потирает ладони.

– Моя девочка – смеется он.

Но она достает защиту, отрывает три штуки (половину всего) и отдает Мике. Дилан возмущенно смотрит на свою подружку.

– А что? – хмыкает она – я бы и забыла. Это Мика предложила, все по-честному. Да к тому же тебе и двух много будет.

Я хохочу и достаю киндер из кармана джинс. Стащил его, пока она не видела. Протягиваю ей и подмигиваю:

– За находчивость.

Мика краснеет и улыбается. После чего вытаскивает из глубин рукава своей рубахи бутылку текилы. Даже я вскидываю брови.

– Как ты.. ? – ошарашенно таращит глаза Дилан. Рукав широкий, а ее руки тонкие. Бутылка бы либо выпала, либо бы сделала из нее какого-то однобокого Шварценеггера с квадратной рукой. Но она как-то протащила.

Ловкость 80-го уровня.

– Попой об косяк – отвечает она и смеется, открыв бутылку. Делает пару глоткой и дает мне. Я поступаю так же, и передаю Дилану, тот своей подружке и дальше. Пока, пройдя круг, бутылка опять не вернется к нам.

Помимо киндера, я стащил две пачки сигарет, орешки и новый блокнот. Мы гуляем до поздней ночи, после чего я тащу Мику к себе. У отца сегодня ночная смена – а даже если нет, мне бы не стоило труда затащить ее в свою комнату на первом этаже через окно.

Когда мы достаточно насыщаемся друг другом, она собирается и уходит. Я сразу дал понять, что при любых раскладах сплю сам. Это осталось после Мары, которая неустанно пыталась заночевать со мной, или затащить меня к себе при любых обстоятельствах. Жалась, грела, и постоянно-постоянно-постоянно хотела быть в моей жизни еще больше-больше-больше.

Думаю, острой потребностью в большой личном пространстве я обязан ей. Мика это уважает и как только я дал ей понять, что готов с ней делить кровать, но не сон – она не стала докучать, каждый раз пытаюсь вызнать, не поменял ли я решение.

Честно признаться, ее тактика поведения очень походила на поведение Андреа поначалу. Из-за того что она не просилась спать со мной, и даже вроде как не проявляла к этому интереса – мне порой даже самому думалось предложить ей остаться.

Может быть потом. Но не сейчас. Точно не сегодня.

На следующий день пытаюсь вызнать у Питерсон, почему она расцарапала лицо той девке. Острою на тот счет, о чем я уже в курсе, выводя ее на эмоции. Обычно в запале люди без труда выпаливают правду, не думая ни о чем.

Однако логичного «откуда ты узнал», с чего и должна была начаться беседа – не следует. Она лишь сверкает глазами, точно безумная мегера, пару раз огрызается и вновь уходит со своей метлой, как настоящая ведьма. Разве что не отталкивается ногами от земли и не взлетает на ней в воздух.

Ожидаемо, но не перестает этим меня веселить. Она скалит свои маленькие зубки – и мне это нравится. Проблема в том, что скалит она их на меня.

Одних ее взглядов достаточно, чтобы понять, в какой именно степени она меня презирает. Даже не знаю, во мне ли дело – или в том, кто по ее мнению я. Быть может, дело в принципе в нас всех, кто сейчас торчит на этих работах. Она старается держаться ото всех на расстоянии, а если и поднимает голову – то с презрительным отворачиванием, словно оказалась в куче саранчи.

В любом случае это значит одно – если я хочу с ней переспать, мне точно не стоит принимать попыток прямого взаимодействия, пытаться затеять разговор опять или подбить клинья иным прямым способом. Она настроена слишком скептически и агрессивно для этого, и любые мои попытки ее лишь сильнее оттолкнут. Потом даже шанса на «случайный» контакт мне не останется.

Лучше уж выдержать ее, как хорошее вино. Не выпячиваться, так сказать, не привлекать ее внимание. Чтобы я не отложился в ее восприятии как подозрительный навязчивый подонок. И чтобы тогда в нужный момент она не преминула возможностью обратиться ко мне, когда может сработать другой приемчик.

Однако, чем сложнее оказывается цель – тем возжеленнее ее получение. Чем гонористее ведет себя Питерсон – тем больше мне хочется узнать, какой она станет со мной наедине. Сколько огней я увижу ее глазах, и насколько развратной она окажется со мной в постели.

Обычно хорошеньким-скромным-девчонкам с такими вот горячими чертами внутри не хватает от своих правильных-парней в постели именно искр. Потому что они тщательно прячут своих черт под приторной наружностью и не боже упаси никогда не признаются своим ухажерам, какие именно вещи хотят попробовать и в каких положениях.

А случайному парню – почему бы нет? Так это обычно и работает.

Я начинаю приглядываться к ней, подмечать детали. Я делаю это украдкой, потому она ничего не замечает, хотя даже если бы хотела – не заметила бы. Потому что голову поднимает только когда приходит ее подружка с пончиками. Кстати, спустя неделю Кэти перестает шастать.

Как и ее дружок-баскетболист.

Первые несколько дней он неизменно приходит за Питерсон вечером, зачастую даже провожает ее сюда днем. Это заметно отягощает положение и я начинаю беситься, когда вдруг становится очевидным, что его хождения редуют.

А чуть больше, чем через неделю, я замечаю, что Питерсон начинает уже каждый день сама уходить домой. Я бы поставил на то, что они разошлись – но это слишком просто, чтобы правда в это верить. Тем более, учитывая, что ходить перестала и Кэти. Вероятнее всего, что оба нашли какую-то отгоряку, чтобы не шлындать сюда и не тратить свое время. Вполне логично.

Однако, я выдерживаю еще пару дней – чтобы убедиться, что дружок-пирожок не появится в самый неподходящий момент. Потому что дважды мою затею не провернуть – она возымеет эффект лишь единожды. Зато сколько девчонок я уже склеил подобным образом!

Обычно из таких вот пафосных, которые считают, что мы ниже травы растем. Наши же, которые так же таскают презики мимо кассы да сигареты в лифчиках – не видят ничего предрассудительного познакомиться со мной и повеселиться ночь-другую.

Когда убеждаюсь, что баскетболист точно не заявится вечером, подбиваю Пита на свою идею. По сути, она проста и стара, как мир. «Добрый-злой» полицейский в романтической вариации. Один пацан-козел пристаёт к девчонке, другой благородный-рыцарь спасает. Дама тает и в знак благодарности сует ему платок, как в Шреке. Постель, занавес, аншлаг.

Почему Пит? Ну, во-первых он самый громоздкий из нас. Во-вторых, мы не такие уж друзья, потому не так уж чтобы общаемся, а значит Питерсон не могла нас видеть вместе. Если подойдет Дилан – она быстро раскусит что к чему. Да и к тому же – харя Пита словно говорит «я маньячела со стажем».

Идеальный вариант.

Пит почему-то начинает кобениться:

– Фиг знает, Сантино – выеживается он, чавкая жвачкой – с чего ты вообще решил, что она меня испугается?

- Ты хоть иногда в зеркало смотришь и поймешь.

Пит опять делает задумчивое выражение лица, из-за чего кажется еще более тупым. Ясно, набивает себе цену.

- Я тебе пятерку дам - изгибаю бровь.

- Знаешь, я ведь сам хотел поразвлечься с этой цыпой - торгуется он.

- Десятка, но не больше - отрезаю я - или я Джаса попрошу.

- Тормози, че ты - собирается он - Джаса.. так как я, на хрен, ее никто не приструнит.

- Нет - нацеливаю на него палец - ты должен быть не угрожающим, а похотливым, сечешь? Это будет страшнее. Не угрожай, а желай. Болтай с ней так, как будто у тебя уже стоит и тебе надо уложить ее.

Он мерзковато ухмыляется:

- Ну это я легко, тут даже играть не надо.

Я усмехаюсь и хлопаю его по плечу:

- Шикарно, вот так и скалься, когда к ней подойдешь. Можно даже еще сильнее, чтобы наверняка.

Достаю из кармана десятку и протягиваю ему. Черт, а она дорого мне обходится.

- Завтра, когда дам знак.

Я считал свой план идеальным со всех сторон. Во-первых, он в принципе беспроегрышный. А в данных обстоятельствах – так вообще равно что лотерея. Пусть Питерсон и всячески хорохорилась, но только бы слепой не заметил, как она опасается всех наших девчонок, и тем более парней. Скрыто она кидает на нас брезгливые взгляды, но любые открытые конфликты тут же старается замять, превращаясь в пугливого забитого котенка.

В отличие от Кэти (которая умудрилась размахнуться средним пальцем в первый же день своего прихода), Питерсон явно приходит в ужас от подобных финделей. Она никогда не сможет повернуть нечто подобное, и нападки скорее поставят ее в ступор, как с Андреа, чем заставят ощетиниться.

Со мной она огрызается, вполне возможно, потому что знает меня. Пусть недолго и так далее, но я лицо знакомое. Единственное знакомое из здешних. Именно это и должно сыграть мне на руку сейчас.

Остается порядком часа до конца работ (а видя усталую физиономию дядюшки Сэма понимаю, что он опять отпустит нас раньше), потому я даю знак Питу.

Тот отпихивает свою метлу и вальяжной походочкой направляется к Питерсон. Да, то что нужно. Стараюсь держаться неподалеку, чтобы слышать хотя бы обрывки слов и понять, когда надо выходить на сцену. Вижу, как начинает коситься в их сторону Андреа – черт, вот бы не испортила все назло. Она вполне может – и совсем не дура. Наверняка понимает, что к чему и зачем сейчас происходит.

Словно в подтверждение она стреляет глазами со спины Пита на меня. Но хмыкнув, тут же возвращается к своей метле. Да уж, если Андреа и с причудами, а теперь и далека от красоты, то точно близка мне по духу. Если бы она не обрезала волосы, кто знает, может я и не путался бы сейчас с Микой, а закрутил бы опять с ней. По большому счету, кроме ее притязаний на большее, меня все в ней устраивало.

Питерсон оборачивается раньше, чем Пит скажет хоть слово. Она делает это слишком дергано – чем выдает свое напряжение.

- Привет – скалится он – я Пит.

- Анжела – бормочет она и опять хватается за метлу.

Вторая осечка. Если бы Пит реально собирался ее подомогаться, то она едва ли не дала ему фас. Меня такое же никогда не влекло. Мне нравится, когда девушка меня страстно хочет, а не боится. Что возбуждающего в страхе, когда у нее в башке лишь мысли о том, как бы отделаться от моей компании?

Но даже среди моих знакомых есть ребята с такими фетишами. Чем больше девушка боится и отнекивается – тем больше их это влечет. Они не насильники, но отцепится от них крайне сложно. Они до последнего считают, что все это игра и девчонка по щелчку кинется из крайности в крайность.

Пит берет ее за руку и опять поворачивает к себе.

Она тут же в той же дерганой манере вырывается:

- Убери руки – цедит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/douz_keysi/poslednyaya-vesna

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)